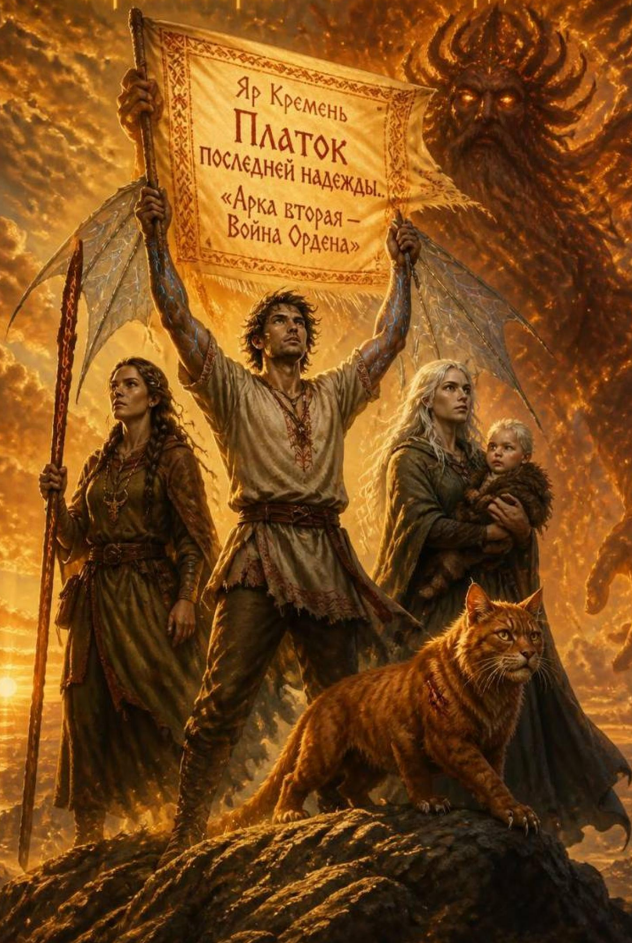

Яр Кремень

Платок последней надежды..

«Арка вторая – Война Ордена»

Яр Кремень

Эхо Велеса. «Арка вторая — Платок последней надежды»

<https://litres.ru/74544113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чернобог пробудился: с севера идут пустые люди, стирающие память. Они не помнят имён, не узнают родных и смотрят в пустоту. Чтобы спасти жену Заряну и дочь Велесу, Артём — вор эха — уходит к Уралу за Коронай света Велеса, единственным оружием против тьмы. С ним вестница Весна, знающая цену надежды, и верный кот Эри. На пути — стёртые деревни, зеркальный чертог Мораны, грозовой карман Перуна и генерал Ковалёв, у которого отняли сына. Каждое испытание требует платы: гнева, гордости, памяти. Артём должен выбрать: стать богом без сердца или остаться человеком, который любит и боится потерять. Когда платок последней надежды вспыхнет в его руках, станет ясно: за любовь платят самым дорогим. Война Ордена начинается.

Содержание

КНИГА 5. Платок последней надежды.	4
Глава 1. Тень на Байкале	4
Глава 2. Осколки Ордена	15
Глава 3. Сон о власти	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эхо Велеса. «Арка вторая — Платок последней надежды»

КНИГА 5. Платок последней надежды.

Глава 1. Тень на Байкале

Байкал просыпался медленно. Из трещин во льду поднимался голубоватый пар — эфирное дыхание глубин — и стелился по берегу, окутывая коряги, валуны и редкие кусты жёсткой травы, которая росла прямо из-под снега. Воздух был морозным, влажным, с привкусом соли, водорослей и чего-то древнего, что спало на дне тысячелетиями. Изба Ведогони стояла на отшибе, притулившись к скале, и из трубы тянулся тонкий сизый дым, который таял в утреннем небе, не оставляя следа.

Артём сидел на крыльце, согнувшись над мотком бечевы. Пальцы-когти двигались привычно, затягивая узлы с тем усилием, которое въелось в мышцы ещё в детстве, когда отец

учил его чинить сети. Хитин на суставах скрипел при каждом микродвижении, и этот скрип был единственным звуком, кроме редкого потрескивания льда и далёкого крика чайки. Он заплетал рыбацкие узлы — те, что когда-то показал ему старый Кость, — и думал о том, как странно: руки помнят то, что голова уже забыла. Отец не учил его рыбачить, но Кость научил. Костя больше нет. А руки помнят.

Рядом, на ступеньке, сидел Эри и следил за каждым движением хозяина. Котёнок вырос за последние месяцы, стал мускулистым, с широкой грудью и рыжей шерстью, которая топорщилась на загривке при малейшем сквозняке. На боку белел рубец — длинный, неровный, след кукольной стрелы, которая едва не убила его в книге 4. Эри больше не мог увеличиваться целиком — только выпускать когти на передних лапах или увеличивать голову, когда чувствовал опасность. Но и этого хватало. Сейчас он просто сидел и смотрел, как его человек плетёт сеть, и изредка чихал, когда ветер приносил запах рыбы.

Артём отложил моток, расправил плечи. Крылья за спиной — те самые, новые, серебристые, которые он получил в испытании Велеса, — ещё не привыкли к спокойной жизни. Они дрожали от каждого порыва ветра, ловили запахи, тянулись к свету. Он сложил их плотнее, чтобы не мешали, и посмотрел на озеро. Байкал был спокоен. Слишком спокоен.

Из избы донёсся звонкий крик — Велеса проснулась. Артём улыбнулся, хотя внутри что-то кольнуло. Этот звук —

требовательный, громкий, живой — стал для него важнее любого эха, любой украденной памяти. Он встал, отряхнул снег с куртки и вошёл в дом.

Внутри пахло сушёными травами, дымом и тёплым молоком. Заряна стояла у колыбели, поправляя одеяло. Её белые волосы, отросшие до лопаток, были распущены, и в утреннем свете они казались не серебряными, а почти прозрачными, как лёд на Байкале. Она выглядела уставшей, но спокойной — той усталостью, которая приходит, когда тело наконец-то начинает восстанавливаться после родов. Ведогоня поила её отварами из корня живой силы, и физические силы вернулись, но магия... магия ещё молчала.

— Она уже пытается ползать, — сказала Заряна, не оборачиваясь. — Ведогоня говорит, что она растёт быстрее других детей. Потому что её эхо чистое. Как родниковая вода.

— Потому что она — наша, — ответил Артём, подходя к колыбели.

Велеса сидела на руках у матери и, увидев отца, загукала, потянув к нему пухлые ручки. Ей было почти семь месяцев — на месяц больше, чем в черновике, потому что Артём хотел дать Заряне время на восстановление. Девочка была крепкой, с белыми, почти прозрачными волосами, которые топорщились в разные стороны, и серыми глазами с золотыми искрами на дне — теми самыми, что у матери. Она улыбнулась. Новой улыбкой, не той, что он запомнил после родов — ту он ещё не потерял, но уже начал бояться, что потеряет.

Он взял её на руки, прижал к груди. Она пахла молоком и сном.

— Она уже пытается говорить, — сказала Заряна, присаживаясь на лавку. — Не слова, но звуки. «Ма-ма», «ба-ба». Она тянется к тебе, когда тыходишь.

— Она знает, кто я, — ответил Артём, глядя дочь по голове. — Она чувствует.

Велеса ухватила его за палец и сунула в рот. Он улыбнулся, но улыбка вышла тревожной. Последние несколько дней он не мог отделаться от ощущения, что что-то надвигается. Не звук, не запах — холодок в затылке, тот самый, от которого он уже привык вздрагивать. Морана молчала, но её присутствие не исчезало. Она ждала. Всегда ждала.

В дверь постучали. Рыбак с обветренным лицом, запыхавшийся, с инеем на бровях, стоял на пороге. Он держал в руках шапку и мял её, не решаясь войти.

— Вор, — сказал он хрипло. — С севера пришли пустые люди. Они не помнят своих имён, не узнают родных. Они сидят на дороге и смотрят в одну точку. Мы не знаем, что с ними делать.

Артём замер. Велеса завозила у него на руках, почувствовав напряжение. Он передал её Заряне, закрыл дверь, прислонился к косяку.

— Сколько их?

— Пятеро. Мужчины, женщины, один ребёнок. Они не говорят, не едят, не пьют. Просто сидят.

— Они живы?

— Живы. Но не здесь. Их глаза пустые, вор. Как у кукол, только без фарфора.

Артём сжал кулаки. Когти впились в ладони, проткнули хитин — выступила кровь. Он не почувствовал боли, только холод, который поднимался откуда-то изнутри.

— Я приду. Скажи рыбакам, чтобы не трогали их. Пусть только смотрят.

Рыбак ушёл. Артём повернулся к Заряне. Она смотрела на него с тревогой, прижимая Велесу к груди. Девочка успокоилась, но смотрела на отца настороженно, будто тоже чувствовала неладное.

— Что-то идёт, — сказала Заряна. — Я чувствую. Не магией — телом. Кожа покалывает, когда я думаю о севере. Веледогоня знает, но молчит.

— Она всегда молчит, когда дело серьёзное. — Артём подошёл к окну, выглянул на улицу. На горизонте, там, где небо сходилась со льдом, виднелась тёмная полоса. Не туча — тень. Она пульсировала, как живое сердце.

Ночью Артём не спал. Он вышел на крыльцо, сжал в кармане отцовскую гайку. Холодная, ржавая, с прогоревшей резьбой. Он поднёс её к уху — тишина. Только скрежет металла о хитин. Когда-то она грела. Он помнил это, хотя тепло уже стёрлось. Осталось только знание: было.

Он уснул прямо на крыльце, прислонившись к стене, и ему приснился кошмар.

Он шёл по северной деревне. Дома стояли тёмные, из труб не шёл дым, хотя мороз был лютым. На завалинках сидели люди — с открытыми глазами и приоткрытыми ртами, как механические куклы, у которых оборвали нити. Артём подошёл к женщине с ребёнком на коленях. Спросил, как её зовут. Она повернулась к нему с пустым лицом и прошептала: «Не знаю. Где мой сын?» Ребёнок тоже смотрел в пустоту, его пальцы не двигались. И тогда Артём увидел тень — она ползла по земле, как чёрная смола, заполняя трещины, поднимаясь по стенам, стирая лица, превращая людей в фарфор. Там, где она проходила, лица становились гладкими, как яйцо, глаза стекленели. Тень росла, в ней не было лица — только форма, только отсутствие. Она коснулась его ног, и он почувствовал, как память уходит, вытекает из него холодным ручьём. Он пытался кричать, но не мог. И вдруг услышал голос: «Папа, возвращайся». Он обернулся — в конце улицы стояла девочка с белыми волосами, в длинной рубашке, и улыбалась. Он рванул к ней, но тень сомкнулась вокруг него.

Он проснулся в холодном поту. Эри сидел на его груди и требовательно мяукал. Рассвет только начинался — небо на востоке розовело, но тучи были низкими, тяжёлыми. Артём зашёл в избу, где Заряна уже не спала. Она сидела у колыбели, прижимая Велесу к груди. Девочка смотрела на мать, и её глаза были ясными, без страха.

— Мне снился Чернобог, — сказал он. — Тень, которая стирает память. Он уже пришёл на север. Пустые люди —

это его работа.

— Ведогоня говорила, — ответила Заряна, не поднимая глаз. — Только Корона Велеса может запечатать его. Она на Урале, в эфирном колодце. Я слышала об этом от ведьм, ещё когда была в кругу. Корона — единственное, что может остановить то, что стирает память.

— Я знаю. Но я не могу оставить вас. Она ещё маленькая. Если я уйду...

— Если Чернобог дойдёт сюда, она умрёт первой, — сказала Заряна, и голос её дрогнул. — Не от холода, не от голода. Он выпьет её эхо, и она станет пустой. Ты должен идти, Артём. Я не хочу, чтобы ты шёл. Но если ты не пойдёшь, мы все умрём. Иди. Вернись. Обещай.

Она посмотрела ему в глаза. В её взгляде была такая боль и такая любовь, что он не мог выдержать. Он опустился на колени, взял её руки в свои. Пальцы холодные, тонкие, с обломанными ногтями.

— Я обещаю, — сказал он. — Я вернусь. Но я не могу оставить тебя одну. Возьми Эри. Он защитит вас.

— Эри пойдёт с тобой, — ответила она. — Он — твоя тень. Без него ты слабее. А здесь Ведогоня, рыбаки, обереги. Мы справимся.

В этот момент в дверь постучали. На пороге стояла молодая женщина в дорожном плаще, покрытом инеем. На груди — серебряный амулет с быком, рога которого упирались в круг. Она была высокой, стройной, с тёмными волосами,

заплетёнными в косу, и глазами цвета старого янтаря. Снег таял на её ресницах, но она не дрожала.

— Я Весна, — сказала она. — Вестница Велеса. Последняя из тех, кто помнит, где хранится Корона. Чернобог уже уничтожил три деревни. Он движется на юг. Корона нужна сейчас.

Артём посмотрел на неё, потом на Заряну, потом на Велесу, которая гукала в колыбели, не понимая, что происходит.

— Я не могу, — выдавил он. — У меня дочь.

— Если ты не пойдёшь, она будет сидеть с пустыми глазами, как те люди, — ответила Весна. Её голос был ровным, без жестокости, но в нём была такая уверенность, что Артём почувствовал, как его решимость рушится. — Ты потерял достаточно, чтобы знать, что пустота хуже смерти. Я видела твоё эхо, вор. Ты уже заплатил за силу. Теперь ты должен использовать её.

Заряна встала между ними. Её лицо было бледным, но спокойным.

— Дай ему время до заката, — сказала она Весне. — Он должен попрощаться. И собраться.

Весна кивнула и ушла ждать на берег, не оглянувшись.

День прошёл в мучительных сборах. Артём точил кинжал — лезвие блестело в тусклом свете, отражая его лицо, измученное, с тёмными кругами под глазами. Он проверял крылья, расправлял их, складывал, снова расправлял — они дрожали от напряжения, будто тоже не хотели уходить. Собирал

мешок с сухарями, вяленой рыбой, оберегами, которые Заряна сплела за ночь. Он не смотрел на неё, потому что боялся увидеть в её глазах то, что заставит его передумать.

Эри прыгал вокруг, нервно вилял хвостом, иногда подбегал к Велесе, нюхал её, облизывал ручку. Котёнок тоже чувствовал — что-то меняется. Он не хотел уходить, но знал, что должен.

Заряна сидела у колыбели, гладила Велесу по голове и что-то шептала — древние слова оберега, которые Ведогоня учила её ещё в молодости. Её пальцы двигались быстро, завязывая узелки на маленьком кожаном мешочке, который она потом повесит на шею дочери. Оберег из её волос и волос Артёма, с полынью и зверобоем, — чтобы ни один ворэха не посмел тронуть девочку.

— Ты боишься, — сказала Заряна, когда он затягивал последний узел на мешке.

— Да, — ответил он, не поворачиваясь. — Боюсь, что не вернусь. Боюсь, что Корона сломает меня. Боюсь, что она заберёт последнее, что у меня есть.

— Что у тебя есть?

— Вы. И память о вас. А если я забуду её первую улыбку? Или твой голос? Что тогда?

— Тогда я буду помнить за двоих, — сказала Заряна. — Иди. Ты нужен ей. И мне.

Вечером он подошёл к колыбели. Велеса уже не спала, она смотрела на него и улыбалась — той самой улыбкой, которую

он так боялся потерять. Он взял её на руки, прижал к груди, чувствуя, как бьётся её маленькое сердце.

— Я вернусь, — прошептал он. — Я не знаю, сколько это займёт, но я вернусь. Ты будешь ждать меня, маленькая? Ты будешь помнить меня?

Она не ответила, только сжала его палец — крепко, как всегда. Он поцеловал её в лоб, положил обратно, и Эри тут же запрыгнул к ней, свернулся у ног, защищая её сон.

На крыльце стояла Заряна. Артём обнял её, чувствуя, как дрожат её плечи под его руками.

— Не оглядывайся, — сказала она. — Иди.

Он шагнул вниз по ступенькам. Снег скрипел под ногами. Весна ждала на льду, закутанная в плащ, её амулет слабо светился в сумерках. На горизонте чёрная туча пульсировала, как живое сердце.

— Мы успеем, — сказала Весна. — Если не останавливаться.

Артём сжал гайку в кармане. Она была холодна. Но он знал, что тепло, которое согревало его, было не в металле. Оно было там, в избе, в колыбели, в улыбке его дочери.

Он оглянулся в последний раз. Заряна стояла на крыльце с Велесой на руках. Девочка махала ручкой, не понимая, что отец уходит. Артём улыбнулся ей, хотя она не могла его видеть, и пошёл вперёд, в темноту, навстречу чёрной туче.

Сзади, на льду, мелькнули тени — имперские разведчики. Ковалёв уже следил за ними. Но Артём не обернулся. Он

знал: то, что он оставил позади, стоило того, чтобы бороться.

Гайка в кармане была холодна. Но он знал, что тепло его сердца, бьющегося ради дочери, согреет его в любом холоде. И этого было достаточно, чтобы идти дальше.

Глава 2. Осколки Ордена

Пустошь у подножия Урала встретила их ледяным ветром, который дул с севера, принося запах гари и эфирного марева — сладковатого, тошнотворного, похожего на запах гниющей плоти, смешанный с озоном. Небо было серым, низким, тяжёлым от туч, которые не давали снега, а только давили на горизонт, сливаясь с чёрной полосой, пульсирующей там, где пробудился Чернобог. Артём шёл первым, проваливаясь в рыхлый снег по колено, и каждый шаг отдавался глухим хрустом, разрывавшим тишину. Крылья-паруса, которые он получил всего несколько дней назад, он сложил за спиной, но костяные отростки всё равно цеплялись за кусты жёсткой травы, и он то и дело поправлял их, раздражённо дёргая плечами.

Весна шла следом. Её посох стучал по мёрзлой земле с ровным ритмом — тук, тук, тук, — и этот звук стал для Артёма якорем, напоминанием о том, что он не один. Она была молчаливой, но не замкнутой — её глаза постоянно скользили по горизонту, по склонам холмов, по теням, которые отбрасывали скалы. Иногда она останавливалась, приседала, проводила ладонью по снегу, и тогда её лицо становилось сосредоточенным, будто она слушала то, чего не слышал он. Губы её шевелились, но слов не было — только беззвучный шёпот, древний, как сами скалы.

Эри бежал впереди, но часто возвращался, тёрся о ноги Артёма и поднимал морду, будто проверяя, всё ли в порядке. Котёнок, который уже не был котёнком, вырос за последние месяцы, стал мускулистым, с широкой грудью и мощными лапами. Рыжая шерсть, густая и жёсткая, была покрыта инеем, и он то и дело отряхивался. На боку, там, где стрела куклы пробила его в книге 4, белел рубец — шрам, который не скрывала даже густая шерсть. Эри больше не пытался трансформироваться целиком; он знал, что это невозможно. Но он научился выпускать когти на передних лапах по желанию, и они становились длинными, чёрными, как обсидиан, и с них капала эфирная смола. Сейчас он держал их втянутыми, но при малейшем подозрении готов был выпустить.

К вечеру второго дня они остановились у подножия невысокой скалы, нашли расселину, защищённую от ветра. Весна развела костёр — не магией, а кресалом, и Артём заметил, что она делает это с привычной ловкостью, будто сотни раз ночевала в таких местах. Пламя было невысоким, но тёплым, и Эри сразу прижался к нему, облизывая лапы, в которых застрял снег.

Они сидели у огня, ели вяленую рыбу и сухари, которые дала Ведогоня. Артём молчал, глядя на пламя, но Весна нарушила тишину.

— Ты знаешь, почему я здесь, вор? — спросила она, не глядя на него.

— Ты вестница Велеса. Ты должна привести меня к Ко-

роне.

— Это не всё. — Она помешала угли палкой, и искры взметнулись вверх, к серому небу. — Моя мать была ведьмой. Кукольник украл её лицо, когда я была маленькой. Я не успела её спасти. Я поклялась, что ни одна женщина больше не потеряет своё лицо, ни один ребёнок не останется без матери. Я искала Корону семь лет. Я нашла её, но не смогла взять — я не вор эха. Только ты можешь. Ты — единственный, кто сможет пройти испытания.

Артём посмотрел на неё. В её глазах, в свете костра, он увидел ту же боль, что и у него, когда он думал о Велесе.

— Ты не боишься умереть?

— Я боюсь не успеть, — ответила она. — Бояться смерти — роскошь для тех, у кого есть время. У меня его нет.

Они замолчали. Ветер выл между скал, и где-то вдалеке слышался треск — лёд лопался на Байкале, или эфирные жилы пульсировали под землёй.

— Ты слышишь? — спросила Весна, наклоняя голову.

— Что?

— Земля говорит. Здесь, под нами, проходят эфирные жилы. Они старые, почти остывшие, но ещё живые. Если ты научишься их слышать, они проведут тебя, минуя ловушки Империи и следы Чернобога.

— Я не слышу земли, — ответил Артём. — Я слышу только своё эхо.

— Потому что ты привык красть, а не слушать. — Весна

встала, подошла к нему, села напротив. — Закрой глаза.

Он послушался. Ветер дул в лицо, холодный и резкий, он царапал щёки ледяными иглами. Артём закрыл глаза, и мир потемнел. Тишина стала плотной, и он слышал только своё сердцебиение — глухое, ровное, слишком громкое в этой тишине.

— Теперь дыши, — продолжила Весна. — Не как вор, который ищет добычу. Как отец, который ждёт, когда дочь скажет первое слово. Терпеливо. Открыто.

Артём попытался. Он замедлил дыхание, расслабил плечи, позволил холоду коснуться кожи. Он думал о Велесе, о её серых глазах с золотыми искрами, о том, как она хватала его за палец. И вдруг, сквозь шум ветра, он услышал что-то ещё. Тонкий, едва уловимый гул, похожий на дальний звон колокольчика. Он шёл из-под земли, из глубины, где текли эфирные жилы. Это были голоса. Тысячи голосов, запертых в камне, в снегу, в вечной мерзлоте. Они шептали на древнем языке, которого он не понимал, но чувствовал — это была память земли.

— Я слышу, — сказал он, открывая глаза. — Они говорят.

— Они всегда говорят, — ответила Весна, поднимаясь. — Но большинство не слушает. Ты — будешь. Это спасёт тебя там, где эхо-зрение не поможет. Чернобог не оставляет следов, которые можно увидеть. Он оставляет тишину. Если ты услышишь тишину там, где должен быть звук — обходи это место.

Она двинулась дальше, и Артём последовал за ней, прислушиваясь к гулу под ногами. Он почти привык к этому, когда Весна остановилась, вскинув руку.

— Тихо, — прошептала она. — Впереди — ловушка. Орден.

Артём замер, напрягая зрение. Впереди, метрах в двухстах, среди торчащих из снега валунов, он заметил движение. Тени. Фигуры в чёрной форме, с амулетами-глушилками на груди. Они двигались бесшумно, но их дыхание вырывалось клубами пара, и Артём понял — они не знают, что их заметили.

— Сколько их? — спросил он, приседая за валун.

— Десять, — ответила Весна. — Восемь в засаде, двое обходят нас с флангов. Осколки Ордена Теней. Они не прощают тех, кто уничтожил их Главу в книге 1. Ты убил их товарищей. Они ищут мести.

— Месть — плохой советчик.

— Но хороший двигатель.

Артём сжал кулаки, чувствуя, как эфирная энергия пульсирует в венах. Холод уже начал замедлять регенерацию, но у него не было выбора. Он мог использовать полупрозрачность — мутацию, полученную в книге 4, — но на холоде она быстро истощала силы.

— Я могу использовать полупрозрачность, — сказал он.
— Но не долго.

— Тогда действуй быстро. Эри — прикрывай справа. Я

— слева.

Кот мявкнул, и его передние лапы на мгновение увеличились — когти выросли, стали чёрными, как обсидиан, и с них закапала эфирная смола. Эри готовился к бою. Весна достала из-за пояса короткий кинжал — не эфирный, обычный, но заточенный до бритвенной остроты.

Артём шагнул вперёд, концентрируясь на ощущении собственного тела. Полупрозрачность пришла не сразу — он чувствовал, как эфирная энергия течёт по венам, как кожа становится холодной, почти прозрачной, как его контуры начинают размываться. Первая стрела свистнула над головой — он ушёл вниз, пропуская её, и бросился вперёд. Когти полоснули по горлу первого солдата, и тот рухнул на колени, зажимая рану. Второй попытался выстрелить, но Артём перехватил ствол, дёрнул на себя, и лезвие кинжала вонзилось в основание черепа. Кровь брызнула на снег, зашипела, смешиваясь с эфирной смолой.

Эри сражался справа. Он не мог увеличиться целиком, но его передние лапы, увеличенные до размеров волчьих, с длинными когтями, разрывали броню солдат, как бумагу. Первый — удар в живот, второй — в горло, третий попытался убежать, но кот догнал его в три прыжка и сбил с ног. Весна действовала с другой стороны — она не вступала в прямой бой, а использовала кинжал точно, нанося удары в сочленения брони, в шеи, в подмышки. Она двигалась быстро, бесшумно, и за её спиной оставались тела.

Оставшиеся четыре солдата отступили, образовав круг, и Артём понял, что это не просто солдаты. Они двигались с координацией, какая была только у элитных отрядов. Их лица были скрыты масками, но глаза горели холодным, профессиональным расчётом. И между ними стоял тот, кого он не заметил сразу — высокий, тощий, в длинном чёрном плаще, с посохом, увенчанным черепом. На его лице была железная маска с прорезями для глаз, из которых сочился тусклый красный свет.

— Палач, — прошептала Весна. — Он — последний из старых убийц Ордена. Он не отступит.

Палач поднял посох, и Артём почувствовал, как эфир во круг него сгущается, давит на грудь, заставляет вены пульсировать чаще. Амулеты-глушилки на груди солдат пульсировали красным, и полупрозрачность начала ослабевать. Артём сделал шаг вперёд, но Палач уже атаковал — из его ладони вырвался разряд чёрного света, ударивший Артёма в плечо.

Боль была мгновенной, острой. Стрела с эфирным ядом вошла в плечо, и чёрная жидкость мгновенно впиталась в кожу, начала распространяться по венам, замедляя регенерацию. Рука начала неметь, и он почувствовал, как холод поднимается выше, к локтю.

— Ты живуч, вор, — сказал Палач. Его голос был низким, металлическим, как скрежет шестерёнок. — Империя заплатит хорошо за Корону. Ты думаешь, ты один охотишься за

ней? Генерал Ковалёв уже на твоём следу. Он догонит тебя, даже если я не успею.

Артём попытался встать, опираясь на кинжал. Эри бросился на Палача, но тот отшвырнул кота ударом посоха — чёрный разряд отбросил Эри в сугроб, и кот заскулил, не в силах подняться. Весна метнулась к Палачу, но он взмахнул посохом, и она отлетела к скале, ударившись головой о камень.

— Имя твоей дочери — Велеса, — сказал Палач, и в его голосе появилась улыбка. — Я передам ей привет. Когда я сделаю её пустой, она будет сидеть и смотреть в стену, как те люди на севере.

Эти слова стали катализатором. Артём почувствовал, как ярость заливает глаза, как холод и боль отступают перед огнём, который разгорался в груди. Он рванул вперёд, игнорируя боль в плече, игнорируя яд, игнорируя всё, кроме цели. Крылья-паруса расправились сами — серебристые, с длинными перепонками, они поймали ветер, и он взлетел над землёй, обрушившись на Палача сверху. Когти вонзились в прорезь маски, в то место, где должен был быть глаз. Лезвие вошло до самого мозга. Палач замер, рухнул на колени, затем на бок. Тишина. Остальные солдаты разбежались, бросив оружие.

Артём опустился на снег, чувствуя, как яд продолжает действовать. Регенерация замедлилась, плечо горело, рука почти не слушалась. Весна подбежала к нему, разрывая ру-

баху на ране, прикладывая пучок сушёных трав, которые достала из кармана.

— Сними куртку, — приказала она. — Яд замедляет регенерацию, но не останавливает. Если я выжгу его эфирным огнём, ты потеряешь сознание, но выживешь.

— Делай, — выдохнул он.

Она прижгла рану эфирным огнём — голубоватое пламя лизнуло кожу, и он закричал, но не от боли, а от того, что яд начал выгорать, покидать тело. Через минуту он уже мог дышать ровнее, хотя рука всё ещё болела.

— Найди на теле Палача приказ, — сказал он, тяжело дыша. — Я видел бумагу у него за пазухой.

Весна подошла к телу, обыскала карманы, достала сложенный лист бумаги, скреплённый чёрной печатью — глаз в треугольнике. Она развернула, пробежала глазами.

— Приказ за подписью генерала Ковалёва, — сказала она, подавая ему. — «Доставить Корону любой ценой. Свидетелей не оставлять». И внизу приписка: «Семья Ковалёва — в Серой башне. Если артефакт не будет доставлен в срок, они будут переработаны жнецами».

Артём прочитал. Буквы были ровными, каллиграфическими. Подпись — размашистая, уверенная. Он сжал бумагу в кулаке.

— Он предал нас.

— Нет, — тихо сказала Весна, садясь рядом. — Он — заложник. Его жену и новорождённого сына держат в Серой

башне, новом укреплении Империи. Если он не доставит Корону, их сделают пустыми. Он не хочет убивать тебя, Артём. Он просто не может поступить иначе.

Артём молчал, глядя на бумагу в своей руке. Он представил Заряну и Велесу на месте семьи Ковалёва. Представил, как они сидят с пустыми глазами, не помня своего имени. И понял, что Ковалёв не враг. Он был таким же отцом, как и он сам.

— Это не меняет того, что он охотится за нами, — сказал Артём наконец. — Он будет идти по нашему следу, пока не получит Корону.

— Мы должны успеть первыми, — ответила Весна, вставая и разворачивая карту. — До колодца три дня пути. Но нам нужно пройти через земли, где Чернобог уже оставил свои следы. Там будут пустые люди. Не смотри на них долго — их пустота заразительна.

Артём посмотрел на карту, на красную точку, на чёрные пятна. Он думал о Велесе, о её улыбке, которую он должен был сохранить. О Заряне, которая ждала его. О Ковалёве, который тоже ждал — возможности спасти свою семью.

В этот момент холодок в затылке стал чуть ощутимее. Морана. Она не говорила, но Артём чувствовал её присутствие — она наблюдала, оценивала. И вдруг, едва слышно, почти как шёпот ветра:

«Ты думаешь, Ковалёв — враг? Он — зеркало. Ты бы поступил так же, если бы твою дочь взяли в заложники. Корона

может спасти их всех. Или погубить. Выбирай».

Артём мысленно захлопнул дверь, и холодок исчез. Но слова остались.

Эри подошёл, лизнул его руку. Кот был жив, хотя шерсть на боку была опалена. Артём погладил его по голове, чувствуя, как дрожит его маленькое тело.

— Ты как, маленький?

Эри мявкнул и прижался к его ноге.

— Нам нужно идти, — сказала Весна. — Чем дольше мы стоим, тем больше шансов, что Чернобог распространится дальше. И Ковалёв догонит нас.

Артём встал, чувствуя, как яд отступает, как регенерация начинает восстанавливать повреждённые ткани. Рана саднила, но рука уже слушалась. Он поднял кинжал, вытер лезвие о снег, убрал в ножны.

— Три дня, — сказал он. — Мы успеем.

Они пошли дальше, на север, туда, где небо становилось темнее, где земля трещала под ногами, где тишина, оставленная Чернобогом, ждала своих жертв. Артём шёл первым, чувствуя, как эфирные жилы гудят под ногами, как Весна учила его слушать землю. Он слушал, чтобы защитить то, что было ему дороже всего.

На горизонте чернела туча, пульсирующая, как живое сердце. Она ждала. Но Артём не боялся. У него была цель, и он шёл к ней, не останавливаясь.

Гайка в кармане оставалась холодной. Но он больше не

искал в ней тепло. Теперь оно было там, впереди — в улыбке дочери, которую он ещё не потерял. И он сделает всё, чтобы не потерять.

Глава 3. Сон о власти

Пещера, которую они нашли для ночлега, была неглубокой, но сухой. Стены из серого камня покрывали трещины и редкие пятна мха, светившегося в темноте слабым голубоватым светом. С потолка свисали эфирные сосульки — твёрдые и прозрачные, в них отражался свет костра, который Весна разожгла в центре. Пламя было голубоватым, почти невидимым, но оно давало тепло, пробирающееся сквозь одежду. В пещере пахло пылью, древним холодом и эфирной смолой, которая сочилась из трещин в камне и застыла жёлтыми потёками.

Артём сидел у входа, прислонившись спиной к камню, и смотрел в темноту. Ветер выл снаружи, гоняя снег, и иногда его порывы залетали внутрь, бросая в лицо ледяные иглы. Он не обращал на них внимания — его мысли были далеко, в избе на Байкале, где остались Заряна и Велеса. Он сжимал в кармане гайку, чувствуя холод металла, и пытался представить, что делает сейчас дочь. Спит? Или проснулась и тянет руки к матери? Он надеялся, что она улыбается.

Весна сидела у костра, перебирая сухие травы из мешочка. Её лицо, освещённое снизу, было спокойным, как у человека, привыкшего к долгим дорогам. Она иногда поглядывала на Артёма, но молчала, давая ему время собраться с мыслями. Эри свернулся у его ног, положив голову на лапы, и

дремал, хотя его уши иногда подрагивали, улавливая звуки ночи. Шерсть на боку, опалённая в бою, уже начала затягиваться, но рубец ещё был розовым.

Артём закрыл глаза. Усталость навалилась на него, но сон не шёл. В голове крутились мысли — о бое, о Палаче, о Ковалёве, о Короне. Он прокручивал каждую деталь: как вонзил кинжал в прорезь маски, как Палач рухнул на снег. Как Весна перевязывала рану, как говорила о семье Ковалёва. Он думал о том, что Корона может стать решением — или проклятием.

Холодок в затылке стал плотнее. Морана просыпалась.

«Ты не спишь, Артём».

Её голос был тихим, почти ласковым. Он проникал в сознание, заставляя мышцы расслабляться, а мысли замедляться. Артём почувствовал, как веки тяжелеют, но заставил себя открыть глаза.

— Я не хочу разговаривать с тобой.

«Но я хочу помочь. Ты устал. Ты заслуживаешь отдыха. Я пришла не мучить — я пришла предложить выход».

— Ты всегда предлагаешь выход, который ведёт в тупик.

«Корона вернёт тебе голос отца. Ты снова услышишь: "Сын, механика — это честный труд". Только согласишься забрать что-то взамен. Например, первые объятия с дочерью. Ты помнишь, как держал её в храме Рожаниц? Как она пахла молоком и сном? Ты можешь вернуть голос отца, если отдашь это воспоминание. Честная сделка».

Артём закрыл глаза. Перед ним всплыла картина: он стоит в храме, держит на руках новорождённую Велесу. Её тельце маленькое, тёплое, она пахнет молоком и мёдом. Она смотрит на него серыми глазами с золотыми искрами. Он плачет от счастья. Её пальчики сжимают его палец. Это воспоминание — самое дорогое, что у него осталось.

— Нет, — сказал он. — Я не отдам его.

«Почему? Голос отца — единственное, что осталось от него. Ты не помнишь его лица, не помнишь смеха. Только этот голос. Если я заберу объятия, ты всё равно будешь знать, что ты держал её. Ты будешь знать, что это было тепло. А голос отца будет звучать в твоей голове каждую ночь. Разве это не лучшая сделка?»

— Ты лжёшь, Морана. Корона не возвращает забытое. Она даёт доступ к чужой памяти. Ты пытаешься обмануть меня, как обманывала раньше.

Морана замолчала. Тишина стала плотной, давящей. Артём сжал гайку, и холод металла напомнил ему, что он не поддался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.